

Любовь Гуревич/ Александр Арефьев: Банная серия. 1949-1950. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Музей нонконформистского искусства. 2001.

Мы не знали Дега, который знал замочную скважину, а в ней раздевающуюся балерину, а если бы знали, это бы нас только снизило.

А. Арефьев (в пересказе А. Басина)

Александр Арефьев – лидер группы свободных художников, возникшей, когда Дега был запрещен, в сталинское время, задолго до всяких эстетических и политических послаблений. Но вкус свободы узнали дети, лишившиеся в войну родительской опеки. Это произошло в масштабах страны, и отсюда хулиганство – распространенное явление послевоенного времени. Стихия хулиганства как единственно возможной формы свободы здесь вторгается в историю искусства, наделив Арефьева с товарищами рискованными возможностями. Подсматривать в окна женских бань – это хулиганство. Но гипсы и неестественно застывшая натура в СХШ не вызвала в пережившем артобстрелы и видевшим смерть подростке энтузиазма – ему нужна была живая жизнь, нужен был «потрясающий объект видения». Арефьев повел товарищей на поиски. «Всегда старались выбрать такой объект наблюдения, который уже сам по себе приводил в определенный тонус необычностью видения ускользающего объекта». «Подсматривания эти были сопряжены с риском. И даже для жизни. Однажды штабель дров высотой в два этажа, с которого был виден женский класс бани, распался по бревнышку под таким охотником объектов. Ели из-под них выбрался»

Баня – это другой мир внутри этого мира, скрытый от половины человечества. Баня – освобождение тела – одна из свобод, которой невозможно было лишить жителей коммунальных квартир.

«Банная серия» создавалась Арефьевым в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов. Папка, в которой хранились рисунки 1949 – 1950 гг. пролежала около пятидесяти лет у товарища Арефьева Родиона Гудзенко. Им же был написан портрет Арефьева.

В 1949 году Арефьева вот-вот выгонят или уже выгнали из СХШ. Ему семнадцать или восемнадцать лет. Мальчишеская жадность к потаенно-женскому и полное отсутствие ученической робости и зажатости. Свобода, присущая детскому рисунку и в период ученичества обычно утрачиваемая. Отнюдь не ученический уровень профессионализма.

Мы знаем Арефьева героического, воинственного, резкого, его яростную энергию, великий накал и вместе с тем жесткий взгляд естествоиспытателя. Знаем великолепную архитектуру его построений, способность к выразительности и к художественному обобщению. Знаем художника, оставившего не просто зарисовки, но пластические формулы жестокого сталинского быта, его типичных «героев», драм и страстей. Создателя мощных образов – монументальных и гротесковых. Мы знаем Арефьева, которого влекли мрачные стороны жизни, сцены насилия в современности и в истории, изображавшего человеческие тела в напряжении, в бесчисленных позах и положениях. И под конец – людей, утративших человеческое. Людей-персонажей бреда.

Тут мы видим Арефьева жадно-нежного («И нежнее Ареха в душе...» Р. Мандельштам). Когда видишь результат этого хулиганского действия, первое впечатление именно безмерной нежности, с которой он видит женское – и красивое и безобразное в равной степени. Сочетание нежности и анализа. Полное

отсутствие идеализации – в ней не нуждается нежность. Лотрековское безобразие – обвислая грудь, некрасивая линия бедер – увидено взглядом, лишенным горького лотрековского цинизма. Взглядом цепким, но не унижающим и не отстраненным. Безобразное тело в состоянии неги по-своему царственно на этом празднике наготы, на котором каждый занимает законное место...

Цвета совсем немного – нежные, прозрачные краски, только чтобы подчеркнуть белизну тел, влажность воздуха, в котором тают тела, позже такого у Арефьева уже не будет. Но контур, уже преобладает, хотя и не столь подчеркнутый, каким станет в 1950-е гг. Уже есть непрорисованные лица, скупость предметного ряда, деталей – некогда рисовать, да и бане их и впрямь немного. Острота композиции тел в пространстве, разнообразие их положений, ненасытный интерес к человеческому телу – это останется до конца.

Арефьеву исполнилось бы 70 лет в этом году. Умер он давно, 23 года назад в Париже, прожив несколько месяцев в городе Дега.